

Birgegård, Ulla

Вопросы славистики в переписке Г.В. фон Лейбница и Ю.Г. Спарвенфельда

Slavica litteraria. 2012, vol. 15, iss. Supplementum 2, pp. [47]-60

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125934>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

УЛЛА БИРГЕГОРД

ВОПРОСЫ СЛАВИСТИКИ В ПЕРЕПИСКЕ Г. В. ФОН ЛЕЙБНИЦА И Ю. Г. СПАРВЕНФЕЛЬДА

Абстракт

Готтфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646–1716), математик, философ и т.д., также очень интересовался языками и принимал активное участие в лингвистических дискуссиях своего времени. Он интересовался также и Россией и в Петре Первом видел возможного реформатора огромной страны. Эти интересы Лейбница проявляются в его переписке со шведом Юханом Габриелем Спарвенфельдом. Тот считался крупным авторитетом в области языков, особенно славянских, и среди них – в первую очередь, русского. Основанием для создания этой репутации был, прежде всего, его большой *Lexicon Slavonicum*, славяно-латинский словарь в четырех томах, который он составил после трехлетнего пребывания в Москве в 80-х годах XVII-го века. Их письменное общение представляет особый интерес для славистов.

Одна из инициатив Лейбница, связанная с его интересом к этимологии и к соотношениям языков, заключалась в том, что он обратился к Спарвенфельду с просьбой снабдить его короткими текстами на разных славянских языках, необходимыми для изучения их взаимоотношений. Спарвенфельд снабдил его короткими отрывками (написанными латиницей) из Библии на русско-церковнославянском, словенском, чешском, польском и простом русском языках. Он „нормализует“ орфографию в этих отрывках, чтобы было видно, насколько языки близки друг другу. „Все они“ – по его выражению – «дочери одной и той же матери», т.е. церковнославянского языка. Он рассматривал славянские языки как диалекты одного и того же языка и был убежден, что, зная мать, т.е. церковнославянский язык, можно понять и другие славянские языки.

В конце 1698-го года Лейбниц обращается к Спарвенфельду с просьбой принять участие в лингвистическом проекте, которым он очень дорожил. В рамках дискуссий того времени о возможном создании универсального языка Лейбниц, в качестве первого шага, взялся за создание универсального алфавита. Его замысел состоял в том, чтобы, исходя из латинского алфавита, снабженного некоторыми добавочными знаками для передачи особых звуков, создать универсальный алфавит. С этой целью он обращается к Спарвенфельду с просьбой создать универсальный алфавит для славянских языков. Спарвенфельд согласился и составил общий алфавит славянских языков на основе латинского алфавита. Но, судя по всему, он не очень старался, и результат был неубедительным. На самом деле он, вероятно, был против всего проекта. По его мнению, русские тексты должны печататься кириллицей, так как только таким образом можно передать правильное произношение русских слов. Он говорит, что видел много неудачных попыток напечатать русские/церковнославянские тексты латинской азбукой, неудачных оттого, что одни в своей транскрипции исходят из немецкой орфографии, другие – из итальянской, так что в результате один и тот же язык становится совсем не

похожим на себя. Он даже считает, что все славянские языки должны писаться кириллицей, единственным функциональным алфавитом для славянских языков.

Ключевые слова

Лейбниц ■ Спарвенфельд ■ соотношения славянских языков ■ универсальный алфавит

Abstract

Gottfried Wilhelm von Leibniz (1646–1716) was a man of all possible gifts. Mainly a philosopher and a mathematician, he was also very interested in languages and took an active part in the linguistic discussions of his time. Leibniz was passionately interested in Russia. He believed that in the person of Tsar Peter he had found somebody who would be able to contribute to the development of the country. Leibniz wrote several memorials to Tsar Peter with suggestions on how to improve the cultural level in Russia.

An important source of our knowledge about the history of Slavistics in the 17-th century is the correspondence between Leibniz and the Swede Johan Gabriel Sparwenfeld (1655–1727). He was well known for his language skills and for his particular love and mastery of the Slavic languages and was renowned as the author of a *Lexicon Slavonicum*, a large Slavic-Latin dictionary in four volumes which he compiled after three years in Moscow in the 1680's. The correspondence between these two contains much of interest concerning *Slavica*.

Leibniz was very interested in etymology and the relationship between different languages. He was also active in a project to create a universal alphabet, with the final goal to create a universal language. He turns to Sparwenfeld with questions regarding the relationship between the Slavic languages and asks him to send him short texts in different Slavic languages for him to study. Sparwenfeld provides him with fragments of Bible texts in Russian-Church Slavonic, Slovenian, Czech, Polish and Russian, pointing out that no other languages are as closely related as the Slavic ones. To show to Leibniz that this is really the case he writes all the fragments in the Latin alphabet and “normalizes” the spelling to illustrate that Church Slavonic is the mother language and the other languages are the “daughters”. Sparwenfeld was also asked by Leibniz to help in the creation of a universal alphabet by providing him with suggestions how to transcribe the sounds of the Slavic languages in the Latin alphabet. Sparwenfeld agrees and compiles a table with his suggestions, but halfheartedly, as he is in fact convinced, that only the Cyrillic alphabet is fully functional in expressing the true pronunciation of the Slavic sounds. Instead of writing all Slavic languages in the Latin alphabet he would prefer for all Slavic languages to return to the Cyrillic alphabet.

Key words

Leibniz ■ Sparwenfeld ■ relationship between Slavic languages ■ universal alphabet

Как известно, Готтфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646–1716) был ученым очень широких взглядов: философ, математик, филолог и т.д. Лейбниц очень интересовался и Россией. Он возлагал большие надежды на Петра Первого, на то, что тот будет модернизировать страну. Лейбниц считал, что Россия, целый континент между просвещенной Европой и высокоразвитым Китаем, является *tabula rasa* с огромным потенциалом развития. Он написал несколько мемориалов Петру с предложениями о том, как повысить культурный уровень населения и как создать эффективную систему образования в России. К сожалению, он не дождался осуществления одного

из своих любимых проектов: создания Российской Академии наук [Guerrier 1873, Bittner 1931–32, Richter 1946, Benz 1947].

Но Лейбниц интересовался также и соотношениями языков и этимологией [Aarsleff 1982] и со временем все больше стал интересоваться возможностью создания универсального алфавита и, в конечном счете, универсального языка [Pombo 1987]. Этот интерес проявляется в переписке Лейбница с одним из самых известных знатоков русского языка того времени, шведом Юханом Габриелем Спарвенфельдом. Их письменное общение продолжалось несколько лет и представляет особый интерес для славистов.

Сначала несколько слов о Спарвенфельде. Юхан Габриель Спарвенфельд (1655–1727), путешественник, книголюб и впоследствии церемониймейстер шведского королевского двора, слыл среди ученых Европы того времени настоящим полиглотом: известно, что он говорил на 14-ти языках. Он считался крупным авторитетом в области языков, особенно славянских, и среди них – в первую очередь, русского. Основанием для создания этой репутации был прежде всего его большой *Lexicon Slavonicum*, славяно-латинский словарь в четырех томах, который он составил после трехлетнего пребывания в Москве в 80-х годах и который он впоследствии безуспешно пытался напечатать [Birgegård 1985]. Только сравнительно недавно его большой труд был напечатан в Уппсале (Sparwenfeld 1987, 1988, 1989, 1990, 1992). Из Москвы он увез с собой большое количество славянских книг и рукописей, позже подаренных шведским библиотекам. Спарвенфельд переписывался со многими выдающимися людьми европейской культуры по вопросам в различных областях науки. Его переписка с Лейбницем является особенно интересной. Это касается прежде всего писем, обсуждающих славянские языки и родственные связи языков.

Сохранилось двенадцать писем от Спарвенфельда и одиннадцать от Лейбница, написанных с 1695-го по 1704-й год. Письма Спарвенфельда хранятся в Niedersächsische Landesbibliothek, Hannover, *Lbr* (Leibnizbriefwechsel) 877. Письма Лейбница хранятся в Линкёпинге (Stifts- och Landsbiblioteket, Linköping) *Br*. 33. Большинство писем Лейбница к Спарвенфельду уже давно опубликовано Харальдом Виселгреном (Harald Wieselgren): см. Leibniz 1884–1885. Письма Спарвенфельда были опубликованы только сравнительно недавно, в связи с публикацией письменного наследия Лейбница, изданного под эгидой Немецкой Академии Наук. *Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe*

I (Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel). Herausgegeben von Leibniz-Archiv der Niedersächsischen Landesbibliothek Hannover, Bd. I–XX, Darmstadt, Leipzig, Berlin, 1923–2006. Их переписка ведется на французском языке.

Спарвенфельд первым обратился к Лейбницу и предложил свои услуги, после того как ему стало известно, что немецкого ученого интересовали некоторые дипломатические документы, хранящиеся в Швеции. В последующей переписке Лейбниц и Спарвенфельд обсуждали самые разные вопросы, входившие в ученый дискурс того времени, но особенно лингвистические и исторические темы. Значительная часть писем посвящена славянским языкам и их соотношениям.

Лейбниц часто обращается к Спарвенфельду с вопросами насчет взаимоотношений между славянскими языками. В своем письме от 29-го января 1697-го года ученый спрашивает, на какой из других славянских языков более похож церковнославянский («la langue Esclavonne»): подходит ли он более на польский или чешский язык, или, может быть, скорее на тот язык, на котором говорят вблизи Адриатического моря? Спарвенфельд отвечает в письме от 3-го марта того же года: «Я посылаю вам параллельные образцы текстов на нескольких славянских языках. Вы увидите, что язык далматинский, иллирийский и словенский и т.д. более близки к матери, чем польский и чешский. Но человек, основательно знающий мать, может очень легко представить себе смысл и на других языках...» Дальше он говорит, что сам испытал это. Хотя он провел в Богемии всего 3 или 4 недели, он понимал людей там, и он только проездом был в Словении, но все равно мог разговаривать с крестьянами. То же самое случилось с ним в Праге и в Рагусе (в Дубровнике), где его очень хорошо понимали, когда он смешивал московское просторечие с „высоким языком“. [Leibniz XIII, 637-38]. Обсуждая вопрос о том, где говорится на языке, более всего похожем на церковнославянский, он пишет в другом письме: „Я убежден, что болгары – славяне и что в Болгарии найдешь славянский язык самый чистый.» Лейбниц комментирует эти сведения в следующем письме, от 27-го декабря 1698-го года: «Мне кажется правдоподобным, что болгары – славяне, потому что их название раскрывает, что они происходят от реки Волга.» В другом месте в переписке Спарвенфельд выражает мнение о том, что самым чистым диалектом среди славянских языков является иллирийский язык.

В письмах Спарвенфельд по-разному выражает свое мнение о том, что славянские языки очень близки друг другу. «Все они» – по его выражению – „дочери одной и той же матери“, т.е. церковнославянского языка. Он рассматривает славянские языки как диалекты одного и того же языка. Он был убежден, что, зная мать, т.е. церковнославянский язык, можно было понять и другие славянские языки.

Одна из инициатив Лейбница, связанная с его интересом к этимологии и соотношениям языков, заключалась в том, что он обратился к разным ученым Европы с просьбой снабдить его короткими текстами на разных языках, необходимыми для изучения их взаимоотношений. Эти фрагменты были собраны и со временем напечатаны под названием *Illustris viri Godofr. Guilielmi Leibnitii Collectanea etymologica*, Hanoverae 1717, red. J. G. Eckhart [Leibniz 1717]. Среди ученых, откликнувшихся на эту просьбу, был и Спарвенфельд (см. выше), который снабдил его фрагментами текстов на разных славянских языках [Birgegård 1992: 53–57]. В *Collectanea etymologica* (2, 352) можно прочесть: «Comparatio Dialectorum Slavonicarum, missa ab Ill. Viro Dno. de Sparwenfeld». Среди этого материала (стр. 354–357) встречается отрывок из Библии (Лука, глава 21, стихи 25–29) с переводами на разные славянские языки. Представлены следующие языки: «Slavonica vetus, Craino-Carintica filia, Voëmica filia, Polonica filia, Russica vulgaris». Когда Спарвенфельд хочет показать Лейбницу как славянские языки соотносятся друг с другом, он исходит из - по его терминологии – «матери», «Slavonica vetus». Речь идет, однако, не о старославянском языке, а о русском изводе церковнославянского языка, как он представлен в Библии московского издания 1663-го года. Экземпляр этой Библии, принадлежавший Спарвенфельду, хранится в библиотеке города Вестерос. Текстом под заглавием «Slavonica vetus» является транскрибированная цитата из этого издания. Потом он приводит параллельные места из четырех «дочерей», или, скорее, трех: касательно русского языка он не использует слово «filia». Но на самом деле он, очевидно, смотрит и на «Russica vulgaris» как на язык-дочь. Тот факт, что он переводит русско-церковнославянский текст на простой русский язык, указывает на то, что он видит здесь два разных языка [Birgegård 1992: 54]. Вот фрагменты, посланные Лейбницу Спарвенфельдом. Тексты представлены не в столбцах, как в *Collectanea etymologica*, а один за другим:

Slavonica vetus. Lucae 21:

I budut snamenia w solntsje, i lunie i swiesdach, i na semli Tuga iasicom ot netschajania schuma morscogo, i wosmuschtschenia. isdichajuschtschim, tschelowiecom ot stracha, i tschajania graduschtschich na wselenuju. Silibo nebesnia podwignutsiae: i togda usrat sina tschelowietscheska graduschtscha na oblatsiech s'siloju i slawoju. mnogoiu, Hatschinajuschtschim sim bywati vosclonitese i wos dwignite glawi wascha sanè priblischaetsae isbawlenie wasche. i retsché im pritschú &c. &c.

Craino-Carintica filia. Evang. Lucae Cap. 21.v.25:

Se bodo tschiudrsà[!] godila na sonci, inu na luni, inu na svesdach. inu na semli bo liudem britku pred tem schumeniem tiga Morja inu waluvi: inu ludie bodo na schivotu sahnili od stracha, inu zhacajnja teh retschy, catere imajo priti tsches vuss volèn svejt: Sakai tudi nebeske motschi se bodo gibale: inu tedai bodo ony widili synu tiga tschelowieca pridcotschiga v'oblakih S'welico oblastiu, mú s'welitschastwom. Kadar sepak letù bo fatschelu, goditi, taku gledaite, inu vsdignite gori wasche glave, sakai wasche odreschitvú se priblichuje. inu on ie nim prawil Eno prigliho: &c. &c.

Boëmica filia:

A Budaú znameny na sluncy, ana miesitsi, ana hwesdach, ana zemi bude daw naroduw pro bauri zwuku Morskeso a wlnobitij. Taksche schnaúti budau Lidem, strachem, pro ocekawaný tech wecy kteres prýdaw na wescheren swet, nebo mozi nebeske hýbati se budaù: a teutschelodazt uzrij sýna tsloweka an ide w'oblace S'motsi welicaw a S'welebnostij welikaw. Akdýz tý wetsi potschnaw se dýti, pohledsez a posdwihnetez hlawáwaschich, neb se priblichúje wýkaupenij wasche. I powedclým podobenstwij. &c. &c.

Polonica filia:

TOdic bendon znaki na Slontsu, y na siontsu, y ghwizdach, a na schemi ucisnienie narodow, gdi nie stanic rady, agdi saschumi morze y wali. Tak isch sie ludzie z'duschewilenknon przed strachem y otschekawaniem neschtschestsia przichod. son tsego na okrag schiemie abo wiem motsi niebieskie chwiats sie bendon: a tedits výsia sýna tschlowietschego przichodzontsego w'obloko s'motson y chwalon wielkon. To gdý sien Dziats potschnie poglonday tsiesch, a podnostsie glowi wasche, ischtsi jusch priblisha odkupienie wasche. y powiedzial im sesch to podobenstwo. &c. &c.

Russica vulgaris:

I Budut snaki wo solntse, i wo mesetsie i wo swiesdach, i na semliè Tugo; (tiesno) poganom ot cot tschajania, schuma morskogo i wosmuschenia Kogda tschelovieki budut isdichati ot stracha i doschidania tiech weschtschei, kitorie budut býwati wosem suiete. Po tomu schto sili nebesnie budut dwignutisiae, i sogda budut widiti sina tschelowietschascasso buduschtschago (chodasch-tschago) na oblaki, so mnogoíú silojú i Slavojú. a Kogda cia potschi glowi naiutsiae býwati gladite i wos dwignite ghlawie waschi, po tomutschto budot blisco is cupca wascha, i skalal im podobie. &c.

После этих отрывков написано: «De caetero nulla lingua minorem patitur in suis Dialectis differentiam, quam haec: omnes enim parum à matre abeunt. Secus à Latina omnes ejus filiae. &c.» (Впрочем, ни в одном другом языке нет такой маленькой разницы между диалектами, как в этом. С дочерьми латинского языка совсем не так.)

Вернемся к этим отрывкам ниже.

В конце 1698-го года Лейбниц обратился к Спарвенфельду с просьбой принять участие в лингвистическом проекте, которым он очень дорожил. В рамках дискуссий того времени о возможном создании универсального языка Лейбниц, в качестве первого шага, взялся за создание универсального алфавита. По мнению Лейбница, существование в мире разных алфавитов являлось большим препятствием при изучении иностранного языка. Он считал, что в письменном виде языки отличаются друг от друга намного больше, чем на самом деле, и стоит только решиться на создание одного универсального алфавита – и изучение иностранных языков значительно упростится. Его замысел состоял в том, чтобы, исходя из латинского алфавита, снабженного некоторыми добавочными знаками для передачи особых звуков, создать универсальный алфавит. С этой целью (в письме от 27-го декабря 1698-го года) Лейбниц обращается к Спарвенфельду с просьбой создать универсальный алфавит для славянских языков в виде таблицы, где показано, как латинскими буквами, дополненными разными подходящими знаками, можно было бы выразить произношение не только разных букв кириллицы, но и глаголицы. Для иллюстрации произношение разных букв желательно было бы сравнивать с разными хорошо известными европейскими языками [Leibniz XVI:420]. Спарвенфельд отвечает в письме от 15-го января 1699-го года, что такая задача не очень сложна и что он возьмется

за нее, как только он будет в Стокгольме. Таблица с комментариями Спарвенфельда была опубликована в 2001-м году в Берлине [Leibniz XVII: 143–159]. Речь идет не о подлиннике Спарвенфельда, который, к сожалению, исчез, а о копии, сделанной для Лейбница. Здесь я не буду подробнее говорить на эту тему, так как об этом недавно вышла моя статья [Биргегорд 2010]; но Спарвенфельд в своей таблице исходил из грамматики Смотрицкого и из работы Менинского *Thesaurus linguarum orientalium*, где тот транскрибирует арабские, турецкие и персидские звуки латинскими буквами [Meninski 1680]. Приведу два примера из комментариев Спарвенфельда к таблице:

„Разница между твердыми и мягкими согласными существенна в церковнославянском, русском, чешском и польском. На эту разницу многие раньше не обращали внимания, особенно Bohorisius (т.е. Адам Богорич, который написал грамматику словенского языка *Arcticae horulae...*, Witebergae 1584, УБ) [...]; эта разница не учитывается из-за небрежности и невежества авторов. А самый чистый церковнославянский можно найти у русских, в их церковных книгах, которые были переведены с греческого несколько столетий назад и ко многим из которых я имею доступ» (подлинный текст на латинском языке). Потом Спарвенфельд дает примеры неудачной транскрипции церковнославянских букв. В первую очередь, он упоминает работу Юрия Далматинского (наверное, его перевод Библии), где пишется «*loco ч i.e. tsch utitur zh, loco з i.e. semlia* (название буквы, УБ) *utitur s, loco ы utitur i, pro x ch reddit h, pro difficillissima ж ponit sh, pro з g, pro ц c, pro и sh*». И этот перечень продолжается.

В своей предложенной в таблице латинской транскрипции Спарвенфельд исходит из немецкой орфографии, что не удивительно для шведа. Это видно, например, в его латинских соответствиях к шипящим: для *ч* он предлагает *tsch*, для *ш* – *sch*, для *щ* – *schtsch* и т.д. Этот выбор, наверное, тоже отвечал предпочтениям Лейбница.

Другой пример: В общих комментариях об *ы* говорится следующее:

«*Ы* semper est finalis, vel in medio, numquam in principio; pronuntiat rotundo ore sursum curvata lingua et nusquam in palato tangente extremitate sua, quasi *уу* monosyll. Non nisi auditu discitur, at omnium difficillima Germani[s], ital., Gall., Hisp., angl.; Polonis a. *у* familiaris” (*Ы* встречается всегда в конце или в середине, но никогда не в начале слова; произносится круглым ртом с языком, закругленным сверху, но нигде кончик не касается неба, как в односложном *уу*. Можно вы-

учить только посредством внимательного слушания. Труднее всего для немцев, итальянцев, французов, испанцев и англичан. А полякам этот звук хорошо известен, у них свое у.)

Интересно, как Спарвенфельду самому удалось избежать подобных ошибок, показывающих «небрежность и невежество автора»? Посмотрим его транскрипцию в церковнославянском и русском отрывках выше (*Slavica vetus* и *Russica vulgaris*, стр. ?). Вот подлинные тексты, написанные кириллицей:

Библия московского издания 1663-го года (текст приводится с упрощенной орфографией и без надстрочных знаков):

«И будутъ знаменїа в'слнцѣ илунѣ, и свѣздахъ, и на земли туга языкомъ, ѿм нечаанїа шума морскаго и возмущенїа, издыхающею члкомъ ѿстраха и чаанїа градущихъ на вселенную. силы бо небсныа подвижутся. И тогда узрѣти сна члческа градуща на облацѣхъ, с'силою и славою мноюю. Зачало, рз, Начинающымъ же симъ бывати, восклонитеса и воздвигните главы ваша, зане приближается избавленїе ваше. И рече притчу имъ:»

Перевод Спарвенфельда на простой русский язык (*Russica vulgaris*) в моей транскрипции выглядит так:

И Будутъ знаки во солнцѣ, и во месяцѣ, и во звѣздахъ, и на землѣ Туго, (тѣсно) поганомъ отъ от[?]чаяния, шума морского и возмущения Когда человекѣки будутъ издыхати отъ страха и пожидания тѣхъ вещей, которые будутъ бывати во семь свѣтѣ. Потому что силы небесные будутъ двинуться, и тогда[?] будутъ видѣти сына человекѣческаго будущаго (ходящаго) на облаки, со мноюю силою и Славою. а Когда сїя починаются бывати глядите и воздвигните главѣ ваши, потому что будетъ близка икупка ваша, и сказалъ имъ подобие и т.д.

Выходит, что в транскрипциях Спарвенфельда (стр. ?) буква *z* последовательно пишется как *s*, т.е. именно так, как у критикуемого им Юрия Далматинского. См. в библейском тексте: *snamenia*, *swiesdach*, *sanè*, *isbawlenie*, в переводе *snaki*, *skasal* и др. (Возможно, однако, судя по другим его текстам, что он предлагал транслитерировать *z* через *s* с надстрочной черточкой и что по техническим причинам это оказалось невыполнимым). Букву *ы* Спарвенфельд, как правило, транслитерирует через *i*, хотя в собственной таблице предлагает *y* [Биргерорд 2010, 98]. В библейском тексте встречаются *iascom*, *isdichajuschschim*, *silbo*, *nebesnia*, *glawi* и др. и только один случай

транслитерации через *y*: *bywati*. В переводе Спарвенфельда тоже почти везде *i*: *isdichati, kotorie, sili, nebesnie, sina*, но дважды - *bywati*. Что касается обозначения мягкости согласных, рассмотрим несколько примеров. В наших текстах встречается несколько случаев мягкого согласного перед *a*, т.е. в письменном виде – согласный плюс *я*. Есть три примера обозначения мягкости в возвратной частице *-ся*: *podwignutsiae, dwignutsiae* и *potschinaiutsiae* (сравните, однако, *priblishaetsae*). Во всех остальных случаях мягкого согласного перед *a* в наших текстах мягкость не обозначается: *graduschtschich, graduschtscha, usrat, chodasch-tschago, gladite*. Следовательно, и в этих случаях Спарвенфельд не придерживается собственной схемы, где он передает *я* через *ja* [Биргегорд 2010, 98]. Мягкость перед *ѣ* чаще всего передается так: *tschelowiecom, oblatsiech* и др. – в библейском тексте, *swiesdach, semliè* и др. – в переводе. Что касается шипящих, он последовательно транскрибирует *ч* через *tsch, u* через *sch* и *ц* через *schtsch*. См. в библейском тексте: *netschajania, tschelowiecom, retsché, pritschu; schuma, wasche; wosmuschtschenia, isdichajuschtschim* и др. В переводе на простой русский язык картина та же: *tschelovieki, schuma, buduschtschago* и др. Букву *х* он транскрибирует *ch* в соответствии с собственной схемой, но за «*dificilissima*» *ж* он пишет *sch*, неудачное совпадение с *ш*. Из других текстов (не из таблицы) выходит, что Спарвенфельд для данного звука предлагает *s'ch*. По всей вероятности он так и писал, но трудно было передать этот *spiritus* в печати.

Посмотрим поближе и на другие отрывки. Цитата из Библии на словенском языке («*Craino-Carintica filia*»), по всей вероятности, взята из Библии Юрия Далматина, изданной в Виттенберге в 1584-ом году. Экземпляр этой Библии, принадлежавший Спарвенфельду, хранится в Университетской библиотеке Уппсалы. Подлинный текст выглядит так:

«*Inu Zajhni se bodo godili na Sonci, inu na Luni, inu na Svesdah, inu na Semli bo Ludem britku, de bodo zagovali, Morje inu valuvi bodo shuméli, inu Ludje bodo na shivotu sahnili od straha inu zhakanja téh rizhy, katere imajo priti na Semlo. Sakaj tudi Nebeske mozhy se bodo gibale. Inu tedaj bodo ony vidili Synu tiga Zhlovéka prideozh v'oblaki, s'veliko mozho inu zhastjo. Kadar se pak letu sazgne goditi, taku gledajte gori, inu vsdignite gori vashe glave, satu, ker se vashe odreshitvu pèrblishuje. Inu on je nym pravil eno prigliho.»*

Похоже, что Спарвенфельд, в поисках образца на словенском языке для Лейбница, исходил из этого текста, но при этом «исправлял» транскрипцию нескольких звуков, например, *x*, *u*, *ж* и *ч*, которую он считал ошибочной (ср. его высказывание о работе Юрия Далматина выше): *h* → *ch* для *x* (*Svesdah* → *svesdach*, *straha* → *stracha*), *sh* → *sch* для *u* (*shuméli* → *schumeniem*, *vashe* → *vasche*), *sh* → *sch* для *ж* (возможно, он написал *s'ch*, см. выше) (*shivotu* → *schivotu*, *pèrblishuje* → *preblischuje*), *zh* → *tsch* для *ч* (*mozhy* → *motschi*, *Zhlovéka* → *tschelovíeca*), мягкость согласного (предыдущий пример, *Ludem* → *liudem*) и др. Как видно, он вносит и другие “коррективы” в свой текст.

Цитата из Библии на чешском языке («*Voëmica filia*»), возможно, взята из Библии, изданной в Кралице в 1596-м году. Текст в этом издании читается с трудом, печать плохая, надстрочные знаки неясны. Второе издание этой Библии вышло в 1613-м году.

«A budau znamenj na sluncy, a na mesycy, y na hwezdách, a na zemi ssauženj narodů, newedaycých se kam djti, když zwuk vydá moře a wlnobitj: Tak že zmrtywěj lidé, pro strach, a pro očekáwánj těch wěcý, kteréž přigdau na wssecken swět. Nebo mocy nebeské pohybowati se budau. A tehdy[t] vzj Syna člowéka an se běře w oblance, s mocý a slawau welikau. A když se toto počne djti, pohledtež, a pozwiwnétež hlau wassich: proto že se přibližuge wykaupenj wásse. Y powédél gim podobenstwi.”

Переиздание второго издания от 1945-го года, где орфография нормализована, выглядит следующим образом:

«A budout' znamení na slunci a na měsíci, i na hvězdách, a na zemi ssoužení národů, nevědoucích se kam díti, když zvuk vydá moře a vlnobití, Tak že zmrtvějí lidé pro strach, a pro očekávání těch věcí/ kteréž přigdau na wssecken swět. Nebo moci nebeské pohybovati se budou. A tehdyt' uzří Syna člověka, an se běře w oblance s mocí a slawou velikou. A když se toto počne díti, pohled'tež, a pozdvihnětež hlav svých, proto že se přibližuje vykoupení vaše. I pověděl jim podobenství.”

Поскольку текст Спарвенфельда местами отличается довольно значительно от двух приведенных выше текстов и неясно, из какого библейского текста он исходил, я в этом случае отказываюсь от комментариев.

Цитата из Библии на польском языке, по всей вероятности, взята из Библии, напечатанной в Брест-Литовске в 1563-м году. Экземпляр этой Библии, принадлежавший Спарвенфельду, хранится в библиотеке города Вестерос.

Вот как выглядит подлинный текст из Луки:

«Tedyć będą znaki ná słońcu, miesiacu, y gwiazdach, á ná ziemi vciśnienie narodow, gdy nie stanie rady, á gdy zaszumi morze y wały. Thak iż sie ludzie z dusze wylękną, przed strachem y oczekawaniem nieszczęścia przychodzącego na okrąg żemie, Abowiem mocy niebieskie chwiać się będą. A tedyć wyrzą Syna człowieczego przychodzącego w obłoku z mocą y chwałą wielką. To gdy się dziać pocznie, pogląday ćież a podnoście głowy wasze, izci się iuż przybliża odkupienie wasze. Y powiedział im też to podobieństwo.»

При сравнении этого отрывка с текстом Спарвенфельда в *Collectanea etymologica* бросается в глаза следующее: Спарвенфельд последовательно выписывает польские носовые с помощью *-n*: *będą*→*bendon*, *z mocą* → *s'motson*, *chwałą wielką*→ *chwalon wielkon* и др. Для польского *cz* он пишет *tsch*: *oczekawaniem*→ *otschekawaniem*, *człowieczego*→ *tschłowietschego* и др. Польское *c* выписывает *ts*: *słońcu*→ *slontsu*, *mocy*→ *motsi*, *przychodzącego*→ *przychodzontsego* и т.д.

Без сомнения, в этих отрывках из Луки, напечатанных в *Collectanea etymologica*, главная цель его – по возможности показать Лейбницу, насколько близки славянские языки, если не принимать во внимание различия в орфографии. Поэтому он как бы 'нормализует' орфографию. Внимательный читатель, несомненно, заметил, что в отрывках встречается и много ошибок: то ли из-за того, что подлинный текст Спарвенфельда содержал ошибки, то ли из-за того, что его почерк нелегко читается. Но цель его очевидна.

Касаясь реакции Лейбница на таблицу, можно сказать, что он, хотя и вежливо поблагодарил Спарвенфельда за его «*belle Table*», по всей вероятности, не был в восторге от результата. Спарвенфельд, судя по всему, и не очень старался. В действительности он, вероятно, был против всего проекта. Ведь в разных местах среди его бумаг встречаются данные о дискуссии между ним и разными учеными Европы по вопросу: какой алфавит является наиболее пригодным для изда-

ния книг на славянских языках – кириллица или латинский шрифт? Как было упомянуто выше, Спарвенфельд долго и безуспешно искал возможности напечатать свой большой словарь. Главную трудность в связи с этим представляла кириллица: печать кириллицей найти было трудно. Некоторые ученые, в том числе и Лейбниц, пытались убедить его в том, что лучше было бы печатать словарь латинской азбукой. В письме Лейбницу от 31-го января 1700-го года (значит, *после* того, как он составил свою таблицу) Спарвенфельд жалуется на это и говорит, что, по его мнению, русские тексты должны печататься кириллицей, так как только таким образом можно передать правильное произношение русских слов. Он говорит, что видел много неудачных попыток напечатать русские/церковнославянские тексты латинской азбукой, неудачных оттого, что одни в своей транскрипции исходят из немецкой орфографии, другие – из итальянской, так что в результате один и тот же язык становится совсем не похожим на себя. И об этом вопросе он пишет в комментарии к таблице (подлинный текст – на латыни): из-за невнимательности и забвения русско-церковнославянских кириллических букв в иллирийской, далматинской, хорватской и других славянских нациях и церквях исповедания римско-католической веры придумали другой способ написания старых букв, обозначающих сложные славянские звуки, а именно латиницей. В результате тексты получились самыми разными, неясными и неудачными, из-за того, что разговорный язык в диалектах очень отличается, и из-за разных способов транскрипции. Единственным решением проблемы представляется возвращение к кириллице (Биргегорд 2010, 91). Еще один текст примерно того же содержания встречается в *Collectanea etymologica* (стр. 360).

Если Спарвенфельд был против проекта Лейбница создать универсальный алфавит, почему он тогда согласился принять в нем участие? Лестно же. Великий ученый, знаменитость того времени, обратился именно к *нему*, этим показывая, что он считает именно *его* самым выдающимся специалистом по славянским языкам в Европе. И его реакция на просьбу была такая: он дал знать, что задача проста, с его знанием славянских языков все будет сделано быстро и без проблем. Поэтому он, судя по всему, взялся за эту задачу, но довольно небрежно, не вложив в нее всю душу, и поэтому результат получился не совсем удовлетворительным.

Литература

- Aarsleff, H. 1982. *From Locke to Saussure. Essays on the Study of Language and Intellectual History*, London, 42–83, 84–100.
- Benz, E. 1947. Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit, *Leibniz zu seinem 300. Geburtstag 1646–1946*, Berlin.
- Bibliał tv ie, vse svetv pismv, stariga inu Noviga Testamenta*, Slovenski, tolmažhena skusi Ivria Dalmatina . *Bibel/ das ist/ die ganße Heilige Schrifft/* Windisch Gedruckt in der Churfürstlichen Sächsischen Stadt Wittemberg [...] Anno M. D. LXXXIII
- Библия сирѣчь книги Ветхаго и Новаго завѣта*, по языку славенску [...] ннѣ на [...] повелѣние [...] Алексия Михайловича [...] преводу [...] и напечатаса. В Москвѣ, [...] 7172/1663.
- Biblia święta Tho iest Księgi Sareho y Nowego Zakonu*, własnie z Zydowskiego, Greckiego, y Łacińskiego nowo na Polski ięzyk z pilnością y wiernie wyłożone. W Brześciu Litewskim [...] 1563.
- Bibli Svata aneb vsecka svata pisma starého i nového zákona* podle posledního vydání kralického z roku 1613, Nový York – Londýn, 1945.
- Bibli Swata To gest, Kniha wni se wssecka Pisma Swata Starého y Nowého Zakona*, zdrjugi w [Králice] 1596.
- Birgegård, U. 1985. *Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography*, Uppsala.
- Биргегорд, У. 1992. Соображения о русском языке в письменном наследии И. Г. Спарвенфельда, *Доломоносовский период русского литературного языка*, Stockholm, 41–60 (Slavica Suecana, Series B – Studies, 1).
- Биргегорд, У. 2010. Эмбрион универсального алфавита славянских языков, *forma formans, Studi in onore di Boris Uspenskij*, I, Napoli, 77–100.
- Bittner, K. 1931–32. Slavica bei G.W. von Leibniz, *Germanoslavica*, 1.
- Bohorizh, A. 1584. *Arcticae horulae succisivae, de latinocarniolana literatura, ad latinae lingvae analogiam accomodata [...]*, Witebergae.
- Guerrier, W. 1873. *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen*, Leipzig.
- Leibniz, G.W. von. 1717. *Illustris viri Godofr. Guilielmi Leibnittii Collectanea etymologica*, red. J. G. Eckhart, Hanoverae.
- Leibniz, G.W. von. 1884–1885. Leibniz' bref till Sparfvenfelt, utg. av H. Wieselgren, *Antiqvarisk tidskrift för Sverige* 7/3.
- Leibniz, G.W. von. 1923–2006. *Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe I (Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel). I–XX*. Herausgegeben vom Leibniz-Archiv der Niedersächsischen Landesbibliothek Hannover, Bd. I–XX, Darmstadt, Leipzig, Berlin.
- Meninski, F. 1648. *Thesaurus Linguarum Orientalium, Turcicae, Arabicae, Persicae [...]*, Viennae.
- Pombo, O. 1987. *Leibniz and the Problem of a Universal Language*, Münster.
- Richter, L. 1946. *Leibniz und sein Russlandbild*, Berlin.
- Смотрицкий, М. 1648. *Грамматики славенския правильное Синтаγμα*, Москва.
- Sparwenfeld, J.G. 1987, 1988, 1989, 1990, 1992. *Lexicon Slavonicum*, voll. I, II, III, IV, Index, ed. U. Birgegård, Uppsala.